

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO
Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949917

Suc. 30 (B)
Correo
Argentino

FRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión N° 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXXIV Buenos Aires, Viernes 24 de Setiembre de 1982

Буэнос Айрес, 24 сентября 1982 N° 1679

ИЗ САМИЗДАТА

ХАРАКТЕР ЦАРЕУБИЙСТВА

Цареубийство известно в мировой истории. Во времена смут Реформации были убиты религиозными фанатиками французские короли Генрих 3-ий и Генрих 4-ый; в 1792 году во время маскарада был застрелен неким Анкарстремом Густав 3-ий шведский; на революционных эшафотах кончили свои дни Карл 1-ый Стюарт и Людвик 16-ый Бурбон. В России были убиты дворянскими заговорщиками Петр 3-ий и Павел 1-ый, погиб от террористской бомбы Александр Освободитель. Но все эти убийства монархов — а их перечень далеко не полный — имели по преимуществу политический характер, хотя иногда (как в случае с Павлом 1-ым) сопровождалось посмертным почитанием погибшего в народе. Разумеется, убийство Николая 2-го, его жены и детей также имело характер политический, поскольку после него у многих борцов с большевизмом должны были опуститься и опуститься руки. Но это — лишь одна сторона всей акции в целом. Убийство царской семьи — принципиальный акт большевиков, демонстрация их доктрины — последовательной, максималистской, энергичной, до принципиальности беспринципной, отвергающей все ценности христианской цивилизации и культуры как ненужный старый хлам, мешающий построению “нового мира” и созиданию “нового человека”. Можно писать исследования, образы, трактаты и апологии, доказывать, что Николай 2-ой был плохой дипломат, хороший полководец, такой-то там финансист, политик или танцор. Он мог хорошо или плохо управлять страной. Мог ошибаться в ведении такой тяжелой и необычайной для всего человечества мировой войны. Мог метаться и колебаться в думских делах. Мог быть упрямым и одиноким. Все это ждет и требует скрупулезного и беспристрастного научного анализа. Но ничем и никогда нельзя оправдать убийства его и его семьи “самыми передовыми и научными” революционерами — ничем, кроме своего рода “сакральности”, священности этого акта.

Царь был убит не просто как “ненавистный самодержец”, в како-

вом случае его кровь точно также оставалась бы на убийцах и их наследниках, но в том числе и именно как помазанник Божий. Иначе говоря: цареубийство всегда, а в российском случае особенно, а для “марксистов” тем более, является актом не только и не столько политическим, сколько атеистическим. Именно в России, где царь традиционно-исторически полугласно считался главой Церкви (патриарха последние двести лет вообще не было), убийство помазанника Божия постепенно обрело для крайних групп символ убийства Того Кто его помазал. Цареубийство вообще есть прототип убийства Бога. Арест патриарха Тихона (!) и готовящийся суд над ним, его безвременная смерть от созданной ему жизни, убийства митрополитов и епископов, кровь тысяч и тысяч мучеников Церкви и русских людей вообще — все это, быть может, было возможно и без цареубийства. Но мы никогда не проясним этот вопрос. Ибо исторический факт: это стало реальным после цареубийства и — я утверждаю — благодаря цареубийству: “что нам какой-то патриарх, когда мы самого Царя!”...

И ведь большевики готовились к цареубийству еще задолго до революции; уже тогда этот вопрос был для них принципиальным: решать или нет, осмелиться или не осмелиться. Хотя, разумеется, это не дебатировалось на широких дискуссиях: социал-демократия гуманистична и цивилизована, ей ли опускаться до каких-то нечаевцев. Но сохранились воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича о восхищении Лениным нечаевщиной. “Нечаев... умел свои мысли облекать в такие потрясающие формулировки, которые оставались в памяти на всю жизнь, — говорил Ленин Бонч-Бруевичу. — Достаточно вспомнить его ответ в одной листовке, когда на вопрос “кого же надо уничтожить из царствующего дома?” Нечаев дал точный ответ: — “Всю великую ектению”. Да весь дом Романовых!... Ведь это же просто до гениальности!” (Из воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича, опубликованных в 1934 году).

Убийство Николая 2-го и его

семьи (и последующие убийства всех находящихся в пределах досягаемости представителей дома Романовых) действительно есть черная месса большевизма революции. И чем более “обыденно” она проведена, тем более становится она черной мессой. Конечно, царь и его семья (и слуги) — лишь одна из миллионов семей, уничтоженных большевизмом и коммунизмом в России за последующие шесть десятилетий. Но для того и уничтожена эта семья, чтобы показать себе самим и всему миру, что большевики могут уничтожить ради своей цели и уничтожат, если будет нужно, любую семью и любое число семей. И в этом смысле, сострадав этой конкретной семье, мы сострадаем всей России, всем российским — великороссийским, украинским, еврейским, балтийским, кавказским, тюркским — семьям, чей священный домашний очаг осквернен и разрушен злом века сего вообще.

Убийство царской семьи есть знамение времени, есть в каком-то смысле предвестие и прообраз той кровавой жатвы, которая наступила затем в России; в сущности, это завершение одного периода жизни и деятельности Ленина и Ко. и начало нового, наиболее жестокого, безжалостного и кровавого. И до тех пор, пока люди России не осудят целиком и безоговорочно убийства Николая 2-го и его семьи — невзирая на свою партийную, возрастную, социальную, национальную или религиозную принадлежность — этот период будет продолжаться. Таким образом, Николай 2-ой, его жена, дети и слуги являются как бы первыми сознательными страдальцами за русскую землю, и это отчасти может являться аргументом в пользу их причисления к лику святых. Разумеется, учитывая, что сам Николай был Божиим помазанником и все они лично были глубоко верующими людьми и пытались выполнять свой христианский долг, как они его понимали. А царь всерьез относился к своему христианскому и монаршему долгу.

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВ

ПЕЧАТЬ

ЧЕКИЗДАТ

“Общественно-литературный” журнал “Происки и Измышления” готовился в Москве и печатается в Париже. Впрочем, pardon! Официальное название — “Поиски и Размышления”; но данное нами выше ему, право же, лучше подходит. Подтверждая поговорку les extrémités se touchent, сей орган оппозиции большевизму слепа, созданный фанатиками, сейчас превосходно служит коммунизму (превращаясь, сознательно либо нет из Самиздата в Чекиздат), объединяя с ним против общего противника, — нас с вами, читатель! — русских патриотов.

В обливание помоями нашей родины журнал за гиперболами не стоит, утверждая, например, будто историческая роль России в мире была не больше, чем любого индейского племени или тихоокеанского островка; по меньшей мере, до тех пор, пока европейцы (к коим мы, заметьте! не принадлежим...) к нам снизошли и подняли нас до себя. С фактами сие открытие мало согласно: одна величина нашей территории и численности нашего народа тому противоречат. В остальном, — расистское презрение к иным народам, будь они краснее или более незидицы, нам не присуще; оставим его “Проискам”.

Подобные пакости высказываются якобы от имени подсоветских евреев (которые, в массе, тут не причем), а тех, кто возражает, грубо одергивают. Скажем в редакционной заметке без подписи и с заглавием — excusez du peu! — “Голоса России” сообщается: “Одна моя знакомая недавно крестившаяся еврейка, говорила, что хватит обвинять во всех вековых бедах русских, — они сами страдали не меньше других.” Ну, ей же за то и высыпают!... Дается и специальный index autorum prohibitorum, включающий А. Солженицына, Ф. Светова, В. Солоухина: чтоб русских никто не смел защищать: ни устно, ни печатно!

Ведущая сила московского-парижского рупора русофобии — завоевавший печальную известность Г. Померанц и некто N. N. (не он же ли самый скрывается за загадочным криптонимом?). Сотрудники все время пытаются остричь, — но страх как пошло и тяжелоушно! Лучше им удастся нудный стиль педагогической учености, — скучный, усыпляющий и вряд ли кого из публики впечатляющий.

В. Р.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

JAMAIS PLUS CELA!

Статья И. Иловайской в "Русской Мысли" от 5 августа написана не для прояснения, а для замутнения вопроса (к чему у автора есть веские причины...). Род словесности нашему брату хорошо знакомый еще по СССР. Проанализировать же ее, пожалуй, будет и полезно, к сведению более активной части публики.

Читатели все громче протестуют против засилья в "Новом Русском Слове" и "Русской Мысли" новейших эмигрантов; точнее — известного типа новейших эмигрантов. Замалчивать факт становится неудобным; разобрать его честно и до глубины, — редакторам уж и вовсе не хочется. Остается что? Отводить публике глаза. Вот и отводят.

Как это делается?

Иловайская почтительно цитирует спокойный и разумный (!) ответ возражающим А. Седых, что мол "постоянная замена ушедших новыми — естественный процесс", а не то де русская пресса за рубежом исчезнет за неимением авторов. Так сказать, старые умирают, новые нарождаются; и все в порядке.

Только тут — ни слова правды. Или, вернее, та правда, какая есть, не идет вовсе к делу.

Эмиграция, вопреки представлениям иностранцев (желающих ее видеть такою) состоит не из одних стариков; в ней представлены, хотя и неравномерно все возрасты. Люди выезжали в разное время и в разных возрастах; и продолжали размножаться.

Если приток эмигрантской молодежи слабее русской печати, чем бы надо, то главным образом из-за противодействия, долго сказывавшегося значительными кругами старших, именно не желавших и боявшихся смены. Недостатка же, в целом, журналистов нет и в помине: все приезжающие из СССР на первых шагах удивляются изобилию русских газет и журналов за границей; и у всех — сотрудников хватает. Если проблема недостатка в них возникает, — то лишь потому, что некоторые органы прессы жестко ограничивают политически для них приемлемую платформу (не правее розового социализма! и пр.).

Что до смены (не то, чтобы уж позарез нам необходимой) из СССР, она часто не моложе, или не на много моложе, эмигрантских журналистов: Краснов-Левитин не без кокетства сам себя называет стариком; Некрасов, Эткинд, Копелев, Синявский, — все не первой молодости. Между тем, отчего-то немало бывших сотрудников А. Седых теперь переключиваются в другие печатные органы (в основном, более правые; то там, то тут видишь порою их имена).

Да и глупо сводить все к летам. Физический возраст журналиста публике, по сути, безразличен; ей важны его талант, взгляды, подход к вещам. Взгляды же вообще, и политические в частности, прямо с годами не связаны; в русском и иностранном мире имеются молодые и старые монархисты, как

и молодые и старые коммунисты. Хотя, честность требует признать, в настоящий момент, в пределах русской эмиграции трудно найти молодых эзэров или эздеков (их и старых-то маловато...).

Если бы подбирали из новейшей эмиграции тех, кто духовно с нами, за Россию (а такие есть; и кое-кто пробился в печать; но не в "Русской Мысли" и не в "Новом Русском Слове"), мы бы ничуть не сопротивлялись. А когда подбирают врагов России, — мы не можем не возмущаться!

Редактор "Русской Мысли" пытается нас обвинять в русском шовинизме. Оно и неверно и уж очень упрощенно. Не бывало, чтобы газета или журнал национального направления оттолкнули человека за то, что он еврей или новейший эмигрант, хотя он им предлагал статью патриотического характера. Напротив, ряд евреев в нашем лагере сотрудичают, и мы им рады. Тем более, недавний выезд из СССР не только никому не вредит, а наоборот: даже посредственные материалы охотно берут, при условии, что они отражают теперешние, в данный момент положение в Советском Союзе.

Скажем умышленно прямолинейно и грубо: пусть придет сейчас молодой еврей, хоть подросток, иудей по крови и по вере, который верит в идеалы имперской России, и постучит в наши двери: он нам будет как друг и брат. Важно мировоззрение; мы не расисты; а каждый россиянин имеет право верить по заветам своих предков.

Впрочем, все это были, в реальности, пункты второстепенные; а главное в сочинении г-жи Иловайской, вот оно (выпишем нарочно большой кусок):

"Если любовь наша к России — не ностальгия по навсегда ушедшему прошлому и бесплодная мечта о его возрождении, а живое и истинное явление, то нам необходимо принять тот факт, что в историю нашей родины входит и ее советский период. В нее входят история и судьба тех людей, которые, в отличие от нас, или от наших отцов и дедов, революцию приняли, верили в нее часто слепо и фанатично и с жутким по своей бессмысленности самопожертвованием строили рай на земле. Очень многие из них (или из их детей) пришли к отвержению советской системы, поняв ее нечеловечность и безумие; многие пришли и к отвержению коммунизма как мировоззрения и формы сознания. Но путь их был, естественно, совершенно иной, чем тот по которому шли мы. Наш отказ основан был в первую очередь на понимании того, как чудовищно был прерван исторический ход развития России, часто — на привязанности к прошлому, иногда, но все же редко, на желании это прошлое вернуть. Ясно, что эти элементы — положительные и отрицательные — по ту сторону железного занавеса могли присутствовать лишь в очень небольшой мере... Без знания и понимания прошлого нет будущего, но будущее не может быть скачком вспять".

Кое в чем Иловайская здесь сознательно темнит. Например, мы — христиане, и кары за грехи отцов не признаем. Не на словах, а на деле, не признаем: дочь Сталина живет среди нас — и кто к ней выказал враждебность? Из литераторов в СССР, один из самых близких к нам духовно — Ф. Светов; о котором известно, что он сын видного коммуниста. Да и за прошлые заблуждения мы прозрешших не виним: В. Осипов был комсомольцем, сам Солженицын один момент увлекался марксизмом. Быль молодцу не в укор! Но — тем, чьи глаза раскрылись! Тем, кто от большевизма отсекся, и все с ним связи порвал! На этом условии; и не иначе. Каким путем кто шел, — роли не играет; лишь бы пришел к цели — отвержению коммунизма; коли же не пришел, — какой он нам союзник?! Для ищущих и колеблющихся мы тоже готовы допускать скидку; даже наши сейчас враги могут одуматься. Но, пока не одумались, — они и есть враги.

А все коммунисты, все принимающие Октябрь и ведущие отсчет от него — суть безусловно враги. И с ними компромиссы невозможны. На этой базе никакого лучшего будущего для России нет. Ее единственный шанс, — как раз скачек назад и поворот отсюда на правильный, прежний путь (о котором все поминает Иловайская); с момента до октябрьской (и, как факт, до февральской) революции.

Да, конечно, мы хотим возврата к прошлому! Как его хотят и многомиллионные массы русского — и российского — народа, от коих наглухо оторвана г-жа Иловайская, замкнутая в кругу старых эмигрантов и левых диссидентов. Мы этого возврата хотим для блага нашего народа; никакие личные расчеты (намек на какие все время слышится в передовице парижской газеты) тут не при чем.

При помощи маленьких переделок и передегериваний, под пером Иловайской выпадает основное: разница между врагами и друзьями, между палачами и жертвами. Тогда как уж если эти грани сдвинутся и эти цвета смешаются, вся наша борьба пойдет на смарку и развалится в прах.

Мы в первую голову, новая эмиграция, вторая волна (о ней Иловайская, услужливо угождая диссидентам, с тупым упорством ее игнорирующим, не произносит ни слова, будто ее и не было), знаем по опыту все искушения советского строя, равно как и все его ужасы; знаем досконально проклятый, кровавый период, который по ее снизводительному, почти сочувственному мнению "входит в историю нашей родины." Входит как жгучая рана; входит как "России черный год"; и все наши усилия должны быть направлены к его завершению и уничтожению всех его следов! А память о нем надо сохранить: как о кошмаре, который никогда не должен повториться. Как говорят французы: "Jamais plus cela!"

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ЛИНКОЛЬН И ИУДЕИ

Нам пишут из Нью Йорка:

В опубликованной в еврейской газете "Новый американец" статье "Абрахам Линкольн и иудеи" утверждается, что этот американский президент якобы свидетельствовал: "из всех этнических групп, принимавших участие в войне, самыми пылкими патриотами оказались евреи". Налицо — искажение. На самом деле Линкольн сказал: "ни одна группа населения не продемонстрировала большего патриотизма, чем люди иудейского вероисповедания." То-есть здесь подчеркивается равенство евреев среди других групп; отнюдь не указывается, что какая-то группа проявила меньше патриотизма, чем евреи.

ИНДИРА ОБ ИЗРАИЛЕ

Нам пишут из Вашингтона:

Выступая в Национальном Клубе Печати американской столицы премьер-министр Индии Индира Ганди заявила, что все трудности на Ближнем Востоке происходят от создания там израильского государства для разрешения европейских проблем.

Госпожа Ганди выразила симпатию евреям, пострадавшим во время Второй мировой войны, но заметила при этом, что до создания Израиля евреи, христиане и мусульмане мирно жили на Ближнем Востоке.

ФИЛЬМ О ВЫСОЦКОМ

Нам пишут из Нью Йорка:

Во вторую годовщину смерти оппозиционного поэта и певца Владимира Семеновича Высоцкого состоялась премьера посвященного ему фильма "Пророков нет в отечестве своем".

Созданная эмигрантским режиссером Михаилом Богиным кинокартина отдает дань великому русскому барду. В нее вошли кадры похорон поэта, его выступления, репетиции, интервью деятелей русской и мировой культуры знавших Высоцкого: Михаил Барышников, Василий Аксенов и другие.

О своих встречах с поэтом рассказал знаменитый режиссер мирового кино, неоднократно награжденный премией "Оскар" Милош Форман. Воспоминаниями о муже поделилась также его вдова актриса французского кино Марина Влади (Полякова).

УХОД Н. Н. ПЕТЛИНА

Нам пишут из Сан Франциско:

Здесь в Русском Центре состоялось общее годовое собрание членов Корпорации газеты "Русская Жизнь", на котором председательствовал В. В. Гранитов. После отчетных докладов председателя и казначая, редактор этого национального органа печати Николай Николаевич Петлин сообщил о своем уходе с этого поста и представил своего временного преемника Л. В. Баркалова.

О предстоящем уходе Н. Н. Петлина "Наша Страна" сообщила еще в своем № 1662 от 5 марта 1982.

АЛЕКСАНДР ХАХУЛИН

ВОССТАНИЕ В КРАСНОДАРЕ

Восстание в Краснодаре это не генеральная репетиция начала будущей гражданской войны в СССР. Генеральная репетиция еще впереди. Восстание в Краснодаре возникло стихийно, его никто не подготавливал и никто не организовывал. Народ восстал, потому что ему "Душно без счастья и воли..."

Наблюдателю со стороны казалось бы это восстание, просто народным бунтом из-за пустяка. И правда восстание произошло — если не смотреть в корень, не учитывать что Кубань это кипящий котел народного гнева — из-за пустяка.

Как известно во всех южных городах России ранее были огромные базары. На них собиралось тысячи людей. А на так называемые толкучки съезжались десятки тысяч людей. Особенно многолюден был толкучий базар в Краснодаре. На него съезжались не только жители Краснодарского края, но и Ставрополя, и с Терека, и с Ростовской области. Пестра и шумна была толкучка в Краснодаре.

И вот на этой толкучке солдат продавал шинель. Милиционер придрался к нему — почему продаешь казенную вещь? Солдат ответил, что вещь действительно была ранее казенная, но теперь его личная. Из армии он демобилизовался с этой шинелью. Милиционер не поверил, схватил солдата за рукав и потащил. Люди видели, что милиционер не прав, возмущались и вытолкали милиционера вон из толпы. Милиционер отбежал в сторону и начал свистеть в свисток. Прибежало на помощь ему еще два или три милиционера. Но вокруг солдата уже столпились сотни негодующих людей. Милиционеры покричали и ушли. Но не совсем. Они вызвали подмогу по телефону. Подмога приехала на автобусе и на грузовой машине. На автобусе было около двадцати милиционеров, с резиновыми дубинками, на грузовой машине приехало около тридцати дружинников. Все они ринулись в толпу, отеснили людей от солдата и солдата забрали. Посадили его к дружинникам и повезли.

Кто-то в толпе крикнул, что дружинники будут бить солдата. Избиение людей милицией и дружинниками — в СССР обычное явление. Поднимут вдвоем втроем человека и сажают копчиком на пол. После трех четырех таких приемов человек становится больным на всю жизнь, отбиты печень, отбиты почки, да и копчик поврежден. Человек просто чахнет, после такого милицейского воспитания.

Всем было ясно, что такая участь постигнет и солдата. А он парень был молодой, красивый, крепкий.

Кто-то узнал, что солдата повезли в комендатуру. Раздались голоса: — Айда в комендатуру! Докажем что солдат не виноват! Милиция виновата!

Судя по этим выкрикам намерение толпы было вполне мирное. Не бунтовать, не восставать, а только доказать невиновность солдата. Толпа тронулась в комендатуру. Сперва немногие, потом за ними еще и еще. Ушло поло-

вина рынка. А потом и весь рынок.

Шли люди сплошными потоками по двум улицам Красной и Шаумяна, загораживая их полностью. Движение городского транспорта по этим улицам прекратилось. Толпа по мере продвижения к комендатуре росла. Многие шли просто из любопытства.

А у комендатуры стоял часовой. Раздался возглас: "Стой! Кто идет?" Толпа шла. "Стой! Кто идет, стрелять буду!" — кричал часовой. Толпа напирала. И часовой выстрелил. Убил совершенно неповинного человека. Ученика десятого класса из школы находящейся рядом с комендатурой.

Пролилась кровь.

Толпа озверела. Часовой был повален, автомат у него отобран, ремень снят, погоны сержанта сорваны. Труп его просто растоптали. Может быть никто не хотел его смерти, но разъяренная толпа, действует порой не согласно разуму.

Кинулись в комендатуру. А там уже успели запереться изнутри. Пока выламывали двери, все служащие комендатуры, во главе с комендантом повыскакивали в окна выходящие во двор и скрылись.

Толпа овладела комендатурой. Искали оружия, но его в помещении комендатуры не оказалось, кроме пистолета "ТТ" найденного в ящике стола у коменданта.

Пока часть людей громила комендатуру, оставшиеся на улице, сорвали еще одну внутреннюю дверь, на наружную дверь положили труп мальчика, на внутреннюю растоптанного часового. И понесли их к Крайкому КПСС. К партийному начальству уже шли тремя улицами, в двух не вмещались. Шли улицей Красной, Шаумяна и Краснодарской. Весь город превратился в бушующее людское море. Городской транспорт стал, магазины закрылись, дома и квартиры опустели, все были на улицах и все кричали и негодовали. На улице Красной в доме номер 50 весь первый этаж занимает поликлиника, а все остальные этажи отведены под роскошные квартиры номенклатурщиков. В окна этих квартир полетели камни.

На углу улиц Свердлова и Фрунзе, в квартире, соединенной из трех трехкомнатных квартир жил палач венгерского народа, сбегавший из Венгрии от гнева своего народа Матиас Ракоши. Он остался жив только потому что с молодой женой нежилась в это время на Анапском золотом песке. В квартире его было все перевернуто вверх дном.

На роскошных обоях во всех девяти комнатах квартиры, отработанным маслом написали: "Палач! Убирайся в свою Венгрию! Там тебя ждут венгры!"

Матиас Ракоши больше не вернулся в Краснодар.

Толпа сплошным потоком по улицам Красной, Шаумяна и Краснодарской двигалась к концу улицы Красной к зданию Крайкома КПСС. А на улице Краснодарской расположены солдатские казармы. Они обнесены высоким забором, но казармы трехэтажные и они выше заборов. Из окон верхних этажей высывались головы сол-

дат. Все спрашивали:

— В чем дело? Куда идете?

Солдатам отвечали, что милиция забрала на рынке солдата ни за что ни про что и вот народ вступился за него. И человека убили, все несут его к Крайкому.

Заступничество за солдата было достаточным поводом, чтобы бойцы захотели быть с народом. Они кинулись к воротам. Но командование части, успело предусмотрительно закрыть их на несколько замков. Тогда солдаты на руках стали спускаться друг друга из окон на кирпичный забор. С забора прыгали прямо в толпу. Их ловили руками и приговаривали:

— Давите солдатшки! Давайте милые! Мы с вами, а вы с нами! Оставшиеся в казармах спустились на веревках два автомата.

Посоветовавшись солдаты решили идти в милицию выручать своего товарища. Толпа шедшая по улице Краснодарской разделалась. Часть ее пошла за солдатами по улице Гоголя на улицу Коммунаров, где располагалось управление милиции. Другая часть продолжала двигаться к Крайкому партии.

Откуда и какое распоряжение получил начальник Краснодарского краевого управления милиции полковник Палатовский неизвестно. Только он распорядился сопротивлению восставшим не оказывать, здание управления милиции покинуть, дела взять с собой.

Сам он вскочил в закрепленную за ним "Волгу" и один без шофера умчался на Шапугское водохранилище и там переодевшись в гражданское рванье, три дня и три ночи, без пищи, весь дрожа от страха, закидывал трясушимися руками удочки в воду, на которой, как потом говорили, не было наживки. Да и не рыбу он приехал удить, а скрыться от негодующего народа. После восстания, он был снят со своего поста. И поскольку во время восстания занимался рыбной ловлей, как бы в укор за это, его назначили управляющим краснодарским краевым рыбным трестом. На этом посту он и дожил до пенсии. Перейдя на пенсию, бросил кубанку жену и переехал в Саратов. На Кубани ему просто не было житья от людей.

Когда солдаты ворвались в милицию, там уже никого не было. Они заняли кабинет Палатовского и стали звонить в городские отделения милиции, разыскивая пострадавшего на рынке солдата. Но вместо дежурных по отделениям, им всюду отвечали восставшие. Все отделения милиции в городе были заняты народом. Милиция из города исчезла.

Никто не знал фамилию пострадавшего на рынке солдата. Он просто пропал, как в воду канул.

Никого не оказалось и в здании Крайкома партии, когда толпа ворвалась в него. Обычно у дверей

Крайкома при входе дежурит милиционер. Его не оказалось. Двери были закрыты изнутри. Их выломали. Выломали все двери в кабинетах. Документы Крайкома выбрасывались в окна. Ключки бумаг от этих документов как белые голуби кружились над толпой.

Коммунистическая власть в Краснодаре перестала существовать.

В одном из шкафов первого секретаря Крайкома партии (тогда им был Воробьев, которого после перевели на работу в Москву в Министерство лесной промышленности, вторым или третьим заместителем министра), нашли пачку манифестов "царя Кирилла" и его портрет. Манифест был роздан лю-

дям. Портрет — величиной с обычную открытку — повесили на стену за креслом первого секретаря Крайкома. На стене противоположной от окон кто-то одернул занавеску. Там, оказалась дверь в секретный кабинет секретаря. Здесь нашли четыре холодильника с различными яствами, роскошную кровать и другое не кабинетное, а домашнее убранство. Секретарь отдыхал здесь в рабочее время объявив, через секретаря и помощника, что он не принимает.

Слухом земля полнится. О восстании в Краснодаре, о падении там коммунистической власти сразу же узнала вся Кубань. Казаки заволновались. Вытаскивалось спрятанное много лет тому назад оружие. На автомашинах, на мотоциклах, на тракторах с тележками, на конях скакали казаки в Краснодар на помощь восставшим.

Но власти приняли срочные меры. Из Ростовской области, из Ставрополя, с Терека и из Астрахани на самолетах и вертолетах были стянуты переодетые в рабочие блузы кагебисты. На машинах с громкоговорителями объявляя, что они рабочие завода Седина и прося восставших расходиться, кагебисты сплошной стеной двинулись на восставших. Щелкали фотокамеры, крутились киносъемочные аппараты, восставших фиксировали. Видя что перед ними рабочие, а не кагебисты и не милиция, не представители власти, восставшие стали отступать. На третий день почти мирно восстание было окончено.

А в этот же третий день к вечеру в Краснодар въехали казаки из города Кореновск, на помощь восставшим. Но было уже поздно.

Да и кореновцы не вступили бы в драку с рабочими. Они готовы были положить живот в борьбе с властью, но не с рабочими. Восставшие были обмануты.

Что показало восстание в Краснодаре? Оно показало, что народ в любой час, в любой момент готов к восстанию. Он готов идти на любые жертвы. Он откликнется на первый же призыв и встанет грудью, плечом к плечу, чтобы метлой смести с лица святой Руси ненастный режим.

Победоносное восстание будет тогда, когда наметится перевес сил готовых к восстанию над аппаратом подавления, который все укрепляется режимом. Час, когда перевес сил добра, над силами зла, будет ясен, ударит колокол все растущего народного гнева возвещающий освобождение России.

АЛЕКСАНДР ХАХУЛИН

И СМЕХ И ГРЕХ...

В Государственный Департамент в США поступило предложение создать в Америке таракановедческие совхозы. Автор этой идеи уверяет, что через несколько лет таракана в Америке будет невозможно достать!

Однажды знаменитый писатель Л. Брежнев отправился в Монголию получать очередную литературную премию. Ехать пришлось через Европу.

— А вот, Венецию нам посетить не пришлось, — рассказывал он, вернувшись, приятелям из ЦК КПСС, — там в это время было наводнение.

Зарубежная Жизнь

ВОСЬМОЙ КАДЕТСКИЙ СЛЕТ В ЛОС-АНЖЕЛОСЕ

В начале августа в пригороде Лос-Анжелоса Пасадена состоялся 8-ой Кадетский Съезд. Каждые два года кадеты со всех стран мира съезжаются не для того лишь, чтобы весело провести время, как это утверждают некоторые недоброжелатели любого национального начинания, но чтобы лишний раз вывить верность тем заветам и традициям, которые они впитали в стенах родных копусов. Один из этих заветов — "Помните чье имя носите!" — с юных лет и до глубокой старости горит в сердце каждого кадета; отсюда его всегдашнее желание быть полезным национальному делу. К сожалению таков закон жизни, что все большее и большее число кадет на вечерней переключке уже не отвечает: "я". Несмотря на это, — "не вздохами печали память павших мы почтим..." — убежденные сединой однокашники на "заре с церемонией" и, сомкнув ряды, сознают, что на них осталась обязанность сделать то, чего не успели осуществить ушедшие. Это тоже одна из задач каждого Кадетского Съезда.

Кадетам особенно приятно было видеть начало осуществления их заветной мечты — чтоб русская молодежь влилась в их ряды. На параде в день открытия Съезда, в продолжении кадетского строя выстроились юные разведчики, а за ними русские сокола в своей форме. А когда все вместе пели Российский Государственный гимн "Боже царя храни" и молитвы, — стало очевидным: русская молодежь "заступает" рядяющие кадетские ряды — смена есть!

Съезд открылся молебном, отслуженным кадетом, ныне Высокопреосвященнейшим Архиепископом Антонием Лос-Анжелосским и Южно-Калифорнийским; в Спасо-Преображенском соборе, куда к началу Богослужения было торжественно внесено знамя Сумского Кадетского Корпуса. Затем состоялся парад и официальное открытие съезда. Парад принимала Ее Высочество Княжна Вера Константиновна. В строю было больше ста кадет не считая устроителей, знаменщиков, разведчиков и соколов. Первый день Съезда закончился банкетом и артистической программой.

Съезд был посвящен славному прошлому России, не зная которое, трудно понять настоящее, а тем более представить себе желанное будущее. Перед слушателями ежедневно сменялись один за другим интереснейшие докладчики. Архиепископ Антоний — "О Човомучениках Российских"; И. А. Артамонов — "Слава России через века"; А. А. Стаевич — "О последнем русском национальном флаге"; С. Третьякова — "Витте и Столыпин"; Г. С. Думбадзе — "Корпус и я"; профессор В. Г. Млитин — "Казачество в славном прошлом России". Доклады вызвали вопросы, разъяснения и даже дискуссии.

Кроме этого был продемонстрирован фильм содержащий сцены коронации Государя Императора Николая Второго, сцены военных парадов и т. д. Пояснения к нему давал Г. Е. Климович. Съезд также посетил П. Н. Клотыгин — Начальник Имперского Союза-Ордена, который продемонстрировал фильм снятый во время открытия памятника в Лондоне жертвам насильственных выдаций. Одновременно, в свободное время между докладами, происходили заседания разных комиссий, которыми было поручено обсудить некоторые важные вопросы. Вот главные из принятых решений: а) Оказать в елико возможном масштабе поддержку кадетской прессе, прося редактора "Кадетской переключки" Н. В. Козьякина продолжить начатую им работу, а всех кадет — помочь ему, дабы этот орган печати, не теряя своего кадетского лица, постепенно стал "толстым" журналом, освещающим с русской национальной точки зрения не только наше прошлое, но и происходящее теперь в России. Также было выражено одобрение Г. Е. Плотникову издающему "Кадетский Бюллетень" в Венесуэле; б) Не прекращать борьбу с поработителями родины — кто, где и как может; хотя бы разъясняя иностранцам, устно или в местной печати, сущность коммунистической власти и опасность заигрывания с нею; в) Усилить работу с молодежью, поощряя и помогая материально устройству летних лагерей, а также — возобновить конкурс сочинений на национальные темы за переходной приз и вообще принять участие в работе с молодежью; г) Оказать посильную помощь нуждающимся однокашникам. Даст Бог, к следующему слету — принятые на Восьмом Съезде постановления — кадетам удастся привести в жизнь.

Кадет XX-го выпуска

„СЛУЖИ РОССИИ...“

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

"ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ"

В воскресенье 3 октября 1982 года в 17 часов в концертном зале в центре города — Иполито Иригожен 1133 (перекресток 9 де Хулио и Авениды де мажо) устраивает

БОЛЬШОЙ КОНЦЕРТ

русских композиторов на русском языке в 3-х отделениях под управлением и непосредственным участием

Мазстро Театра Колон — Якова Михайловича Галперина

в программе дуэты, отрывки из опер "Евгений Онегин", "Орлеанская дева", "Пиковая дама" и др.

Конферансье: Н. А. Снежинский

В перерывах буфет

Входная плата — 50.000.-

Пенсионеры и студенты 35.000.-

ЦЕНА НА "НАШУ СТРАНУ" В АРГЕНТИНЕ

С 1-го октября 1982-го года с № 1680-го цена на "Нашу Страну" в Аргентине будет равняться 10.000 песо за номер. Цены на газету в остальных валютах не меняются.

Сдается меблированная комната с пользованием телефоном и кухней. Район: Ла Люцила — Оливос. 791-9749

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Издатель: М. В. Киреев
Редактирует Редакционная
Коллегия

СВЯТО-СЕРГИЕВСКАЯ ЕПАРХИАЛЬНАЯ ШКОЛА.

Вижа Бажестер — Фалучо 854

17 октября 1982 года

ВОКАЛЬНЫЙ КОНЦЕРТ

участвуют ученики студии пр. Я. Галперина, которые исполнят на русском языке романсы и арии из опер русских композиторов. Начало в 17 часов

Вход 10.000 песо

ПЕРЕВОД ДЕНЕГ В АРГЕНТИНУ

Перевод денег в Аргентину для уплаты за подписку на газету или за объявления ЛУЧШЕ ВСЕГО ПРОИЗВОДИТЬ ПУТЕМ ПОСЫЛКИ «МОНЕИ ОРДЕР» на имя Редактора «Нашей Страны»:

Miguel Kireeff

Monroe 4219, D. 10

1430 Buenos Aires - Argentina

Также можно посылать и чеки, на то же самое имя, но место УПЛАТЫ ЭТИХ ЧЕКОВ ДОЛЖНО ОБЯЗАТЕЛЬНО НАХОДИТЬСЯ В США ИЛИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ. В противном случае приходится при реализации этих чеков платить комиссионные, которые иногда поглощают большую часть всей суммы, на которую выписан чек. НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ СЛЕДУЕТ ВЫСТАВЛЯТЬ ЧЕКИ С МЕСТОМ УПЛАТЫ В АРГЕНТИНЕ, так как за любой такой чек аргентинские банки взимают комиссионные, которые ни в коем случае не могут быть ниже 13-ти долларов за каждый чек. Так что, например, за чек в 21 доллар (подписка на полгода), выставленный на Буенос Айрес, газета выручает всего лишь 8 долларов, так как из 21 доллара местные банки вычитывают свои минимальные комиссионные в 13 долларов.

Если же на чеке указано место уплаты в США, скажем в Нью Йорке, то такой чек можно прямо обменять без уплаты комиссионных.

Поэтому Редакция «Нашей Страны» еще раз покорнейше просит своих друзей подписчиков принять во внимание все эти вышеизложенные указания и не присылать никаких банковских переводов или чеков, в которых Аргентина указана как место уплаты, так как реализация таких чеков приносит большие убытки газете.

РЕДАКЦИЯ

Альманах „ВЕЧЕ“

ИЗДАНИЕ РОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

«Вече» — альманах национального русского направления.

«Вече» — абсолютно независимое издание, открытое для высказывания взглядов и обсуждения проблем русского национального возрождения, которые либо умышленно замалчиваются органами так называемой «русскоязычной» печати, или же освещаются ею с явно антирусских позиций.

«Вече» — печатный орган двойной направленности: на российское зарубежье и на Россию, медленно и с трудом управляющуюся от нанесенного ей почти смертельного коммунистического удара, но еще живую, нащупывающую пути возрождения и спасения.

Цена отдельного номера 12 НМ, подписка на 4 номера 40 НМ или эквивалент в любой западной валюте. Пересылка воздушной почтой за счет заказчика.

Заказы направлять:

Russische Nationale Vereinigung e.V.
Theresienstrasse 118-120, 8000 München 2
West Germany